

Верт П. Православие, инославие, иноверие: Очерки по истории религиозного разнообразия Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2012.

ISBN 978-5-86793-956-4.

В тезисе (который в различных дискуссиях стал почти догматом) о многонациональности и многоконфессиональности современной Российской Федерации скрывается значительная доля лукавства. В нашем государстве действительно представлено сейчас большое количество народов и религий. Но это характерно вообще для всех стран, за исключением, пожалуй, Ватикана. Поэтому в данном контексте тезис теряет смысл, становясь трюизмом. Если же имеется в виду не номинальное разнообразие, а соотношение сил, то легко подсчитать, что подавляющее большин-

ство населения относится к одному народу и (хотя бы по факту религиозного посвящения) к одной-двум религиям. Поздняя Российская империя за счет своих обширных окраин демонстрировала бóльшую пестроту, которую приходилось учитывать в управлении страной.

Ныне сразу два западных историка по фамилии Верт одновременно изучают общество и политические институты России. Если первый - француз Николя Верт - занимается советским периодом, то автор рецензируемой монографии - американец Пол Верт - обратился к эпохе поздней Российской империи. Книга Пола Верта является сборником статей, по отдельности издававшихся на английском и русском языках преимущественно в 2000-х гг. С одной стороны, помещенные под одной обложкой, они остались отдельными статьями: к примеру, у каждой из них свои собственные введение и заключение, а обобщающее заключение отсутствует. Более того, посвященные отдельным, зачастую узким проблемам конфессиональной жизни Российской империи, эти статьи далеко не исчерпывают данную обширную тему. Но всё же, размещенные в одной книге, они отдельными мазками помогают прояснить общую картину. Очень важно, что автор освещает проблемы как православного, так и иных исповеданий. Это редко встречается в исследованиях, обычно специалисты сосредотачиваются на одной конфессии и предпочитают не обращать внимания на остальные. Тем более что в имперский период и ведомства ими занимались разные. Монография Пола Верта носит название, которое обобщает конфессиональное измерение империи: "Православие, инославие, иноверие". Этот подход позволяет оценить принципы, противоречия и динамику развития конфессиональной политики государства в целом.

А противоречия начинались уже с названий (эта тема в книге как раз не проговаривается). Если с термином "православие" все понятно, то под какой вывеской объединять неправославные исповедания, уже не так очевидно. В названии органа, созданного при Александре I для контроля над ними (сначала Главного управления, позднее одного из департаментов Министерства внутренних дел), использовалось словосочетание "разные исповедания", но оно не отражало ведомственную обособленность православия. Господствующее положение православной Церкви подталкивало к обобщению остальных групп с помощью приставки "ино-". В результате более длительное применение в названии органа получил термин "иностранные исповедания". Однако и он тоже выглядел неудачно: сложно было называть иностранными мусульманство или язычество. В

делопроизводстве нередко на все неправославные исповедания распространялся термин "иноверцы", но он звучал некорректно по отношению к католикам, лютеранам или армянам, вера которых при всех отличиях оставалась христианской, да и в законодательстве проводилось различие между неправославными христианами и нехристианами. Все это подталкивало к введению двух разных терминов, и после 1905 г. в делопроизводстве стали различать "иноверцев" и "инославных". Наконец, в августе 1917 г. Временное правительство упразднило должность обер-прокурора Святейшего Синода и объединило дела всех конфессий, включая православие, в одном ведомстве - Министерстве исповеданий. При этом в названии одного из его департаментов место "иностранных исповеданий" заняли более корректные "инославные и иноверные".

Кстати, не менее противоречивым было и законодательное наименование этнических групп. Здесь тоже использовался термин по принципу "от противного" - "инородцы", но он охватывал отнюдь не все нерусское население, а только те этносы, которые управлялись на основании особого устава. Они делились на многочисленных "восточных инородцев" и "западных", к которым относились лишь евреи, но отнюдь не немцы, финны, литовцы или поляки.

Подданный Российской империи оценивался сразу во многих измерениях: конфессиональном, этническом, сословном, региональном, не говоря уж о половом и возрастном. И все они причудливо переплетались, наделяя человека разными правами. Во многих случаях его место в обществе определялось сословным происхождением. Но, к примеру, в случае с евреями черты оседлости именно вероисповедание в первую очередь детерминировало условия их жизни: при их переходе в православие, католичество или лютеранство ограничения снимались. В книге Пола Верта приведено несколько примеров сочетания конфессиональной и этнической идентичности: у евреев, грузин, армян, кряшен, остзейских немцев и др.

Государству приходилось проводить сложную и противоречивую политику с учетом всего разнообразия классификаций. Но и в рамках одного лишь религиозного учета, как верно отмечает американский историк, перед властью изначально стояли разнонаправленные задачи: традиционная ориентация на русский народ и православие; универсализм, связанный со стремлением внедрить единые принципы управления (возможно, вообще не связанные с религией); и партикуляризм, подталкивающий к поддержке всех легальных конфессий, служащих опорой престола. Вкупе с тем, что автор изящно обозначает как "присущие Российской империи глубокие противоречия между сферой юстиции и административной практикой", это приводило к непредсказуемым, порой непоследовательным решениям.

Скажем, если на территориях, где были распространены язычество или буддизм, велось активное миссионерство, то в мусульманских регионах, где оно могло дестабилизировать обстановку, лишь создавались организации, оказывавшие помощь крещёным (Общество восстановления православного христианства на Кавказе, Братство святителя Гургия в Казани и т.п.). Предоставление уникальных привилегий эчмиадзинскому католику как главе всей Армянской Церкви работало на расширение российского внешнеполитического влияния (прежде всего на армян Османской империи и Персии), но одновременно подвергалось критике, т.к. делало католика неуправляемым и ущемляло интересы армян России. В Прибалтике желание правительства поддержать православное меньшинство сталкивалось с интересами немецкого остзейского дворянства, которое за свою лояльность требовало уступок лютеранству. И такие уступки делались - вплоть до разрешения лютеранам, перешедшим в православие, возвращаться в прежнее исповедание, что полностью противоречило основам законодательства. Неудивительно, что кон-

кретным материалом для частных случаев конфессиональной политики, которые подробно анализирует Пол Верт, нередко становятся судебные дела, жалобы или скандалы.

Между собой сталкивались не только чисто политические, но и религиозные принципы. Это побуждает автора перевести взгляд с государства на духовенство. Одни его представители ссылались на Священное Писание, чтобы доказать, что принадлежность к Церкви выше разделения на "эллинов" и "иудеев", и критиковали филетизм - внесение в христианство племенных разделений и распрей. Другие указывали на ниспосланный апостолам дар языков как на признание самобытности национальностей в Церкви. Интересы разных народов тоже сталкивались: если русское православие претендовало на представление всей Церкви в масштабах Российской империи, то грузины все больше тяготели к автокефалии. Причем границы юрисдикции, на которую они претендовали, охватывали не только "свои" этнические приходы, а более широкую "историческую" территорию. После революции автокефалистское движение (менее активное) возникло и на Украине.

Под давлением имперской власти даже духовенству господствующей Церкви нередко приходилось отступать от религиозных правил. Канонический запрет на смешанные браки (православных с неправославными) был в 1721 г. отменен в угоду политике - для привлечения иностранцев. Церковь смогла лишь вырвать условие, чтобы такие браки заключались по православному закону и дети от них воспитывались в православии. Однако на окраинах Российской империи (в Западных губерниях, Прибалтике и Финляндии), которым уделяет особое внимание Пол Верт, в отдельные периоды действовали исключения из этого правила. Как минимум часть детей там разрешалось приобщать к инославным исповеданиям. Можно сказать больше: уже в XVIII в. отдельные чиновники высказывались за отмену монополии православного воспитания детей от смешанных браков во всей империи. Обер-прокурор Синода И.И.Мелиссино в 1767 г. составил "пункты" для наказа депутату от Синода в Уложенную комиссию, в которых мужскому потомству от смешанных браков предлагалось "быть в законе" по отцу, а женскому - по матери¹. Впрочем, слишком радикальное наступление на православные каноны (а в "пунктах" Мелиссино речь шла и о сокращении постов, недопущении малолетних детей до причастия, введении женатого епископата, разрешении вступать в брак более трех раз, отмене обычая поминовения усопших и др.) выходило за грань допустимого и не было реализовано.

Выводы американского историка выглядят очень взвешенными: он не спешит доверяться ни государственным чиновникам, ни жалобщикам на их злоупотребления, указывает в администрации на сторонников как методов принуждения, так и гибкой, уступчивой политики. Автор упоминает о массовых обращениях в православие, в которых вера играла минимальную роль, а "подсластить пилюлю крещения" помогали материальные выгоды. И при этом признает, что имперская политика приобщала многие малые народы к достижениям цивилизации (что зачастую искренне приветствовалось обращенными) и помогала им сохранить идентичность. Резче всего это проявлялось в ситуации, когда самосознание относительного меньшинства в масштабах империи (например, татар-мусульман или православных грузин) противостояло самосознанию еще более малочисленного внутреннего меньшинства (соответственно, кряшен и абхазов). В этих случаях политика империи способствовала не ассимиляции, а напротив, защите малых народов от поглощения. На сохранение самобытности многих народов были направле-

¹ *Иванов И., диакон. Взаимоотношения Церкви и государства во второй половине XVIII века (деятельность обер-прокуроров Святейшего Синода 1763-1796 гг.): сборник документов. М., 2010. С.73-74.*

ны усилия таких людей, как Н.И.Ильминский, о котором Пол Верт много пишет, или митрополит Иннокентий (Вениаминов), которому принадлежат слова: "...Выводя дикарей из прежнего их состояния, надобно наблюдать благоразумную осторожность, дабы вместо того, чтобы сделать их счастливее, не лишить их и настоящего их счастья. Так! Надобно стараться вывести дикаря из его грязной жизни; но, очищая нечистоту с его тела, надобно быть осторожным, чтобы не содрать с него и природной его кожи и тем не изуродовать его"².

Автор делает интересное наблюдение о том, что в последние годы перед революцией в управлении страной делались попытки отойти от конфессиональной классификации в пользу этнической, а реализованы они были уже властью Советов. Действительно после указа "Об укреплении начал веротерпимости" от 17 апреля 1905 г. конфессиональная картина, и так весьма непростая, стала еще более сложной и динамичной: начались массовые отпадения от православия, окрепли многочисленные секты. Правительство размышляло о возможности введения гражданской метрикации, разрешения не исповедовать никакой веры и пр. Православная Церковь пыталась сохранить действующую модель, выступая за нее вплоть до 1917-1918 гг.³ Но уже первые мероприятия советской власти демонтировали систему конфессионального учета. Отдельный любопытнейший сюжет, который разрабатывает Пол Верт по материалам публицистики кряшен и по др. источникам, касается сохранения кряшенской идентичности после революции. Вплоть до конца 1920-х гг. власть, делавшая ставку на национальную политику, самоопределение народов, была вынуждена признавать кряшен в качестве отдельной этнической единицы и при этом пыталась стереть с их идентичности религиозный слой. Последнее было заведомо абсурдной задачей, ведь даже самоназвание кряшен прямо говорило о конфессиональном происхождении.

Указатель имен в конце монографии выглядит неожиданно скромным. При беглой проверке заметно, что он составлен не слишком тщательно: туда включены не все имена, попадающиеся в тексте. Но это не единственная причина: сам труд Пола Верта построен так, что внимание уделяется в основном различным социальным группам, а отдельные люди упоминаются не так часто. Для подобного исследования это вполне объяснимо, но, пожалуй, привлечь больше историй конкретных современников - чиновников, представителей духовенства, выходцев из различных конфессиональных групп - было бы уместно. Как писал М.Ю.Лермонтов, "история души человеческой, хотя бы самой мелкой души, едва ли не любопытнее и не полезнее истории целого народа".

*Г.М.Запальский, доцент кафедры истории Церкви.
Полные материалы диалога о книге П.Верта опубликованы
в журнале "Российская история" (2013. №5).*

² Записки об островах Уналашкинского отдела. СПб., 1840. Ч.2. С.315.

³ См.: Священный Собор Православной Российской Церкви. Собрание определений и постановлений. М., 1918. Вып.2. С.7-8, 21-22; Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917-1943 гг. М., 1994. С.99.